

◆ КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«Он ни одного часа не изменял поэзии...»

«Манан сэлтӑр тупере» (Моя звезда на небе). Книга-альбом о жизни и творчестве народного поэта Чувашии Педэра Хузангая. Составитель П.А. Хузангай. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2015.

О жизни и творчестве Педэра Хузангая и написано, и издано немало – от писем читателей до монографий литературоведов. Книга-альбом отличается от всех других изданий. Она очень компактна, и в сжатой форме прослеживает жизненный и творческий путь поэта. Стихов в альбоме немного, они скорее представлены как приложение к его биографии, и очень знаковы: «Эпир пулнӑ, пур, пулатпӑр!» (Были мы, и есть, и будем), поэма «Анне» (Матери), «Семену Эльгеру», «Павло Тычине», «Ангелу Тодорову», «Васьлею Митта», «Ялӑма» (Родной деревне), «Сӑпка юрри» (Колыбельная Атнеру), «Саламби», «Хусан! Манаймӑп эп сана» (Казань! Не забыть мне тебя), «Малалла-ха, пурнӑс, малалла» (Жизнь продолжается) и некоторые другие. О значении творчества чувашского поэта для общемировой культуры можно судить по квинтэссенции из высказываний корифеев литературы – русских Сергея Смирнова, Михаила Алексева, украинца Павло Тычины, карела Анти Тимонена, якута Семена Данилова, литовца Эдуардаса Межелайтиса, татарина Рената Хариса и, конечно, чувашских коллег.

Поэт-лирик, поэт-трибун, поэт-философ Педэр Хузангай продолжил трудную стезю Сеспеля: «Я говорю подробно о Сеспеле потому, что чувствовал всегда его эстафету в руке» (с. 18). Он прошел

огонь, воду и медные трубы и до сих пор остается на вершине российской поэзии.

Книга «Моя звезда на небе» доставила мне много радости. Будто снова встретился с поэтом, послушал его, всмотрелся в его лицо – то улыбочное, то грустное и задумчивое, то преисполненное покоя и мудрости... Его портреты – от Юрия Зайцева, Моисея Спиридонова, Николая Овчинникова, Петра Сизова, Павла Григоьева-Савушкина, Петра Чичканова, Петраны Клисуровой – напомнили также о встречах с художниками, их рассказах о Петре Петровиче, каждый фотоснимок вызвал череду воспоминаний.

Вот Хузангай стоит рядом с Семеном Эльгером, Алексеем Талвиром, Василием Митта, Стихваном Шавлы, Николаем Ильбеком, Геннадием Айги. Такими они пришли на встречу с нами, студентами. Вот сидит рядом с критиком Сергеем Ялавиным (с. 28, слева) и со своим свояком, очеркистом и директором Староаверкинского медицинского техникума Самарской области Петром Петровым (справа)... И тут же возвращаюсь к снимку с дочерью Саламби и ее матерью Тёксём Анюкё (Анне Молчановой). Эти снимки я впервые увидел на родине просветителя Ивана Яковлева в Татарстане, в доме Молчановых. Селу Кошки-Новотимбаево и его красотам посвящены пронзительные стихи из любовной лирики 1928-го и 30–40-х годов («Тулли уйӑх – лирика ҫулпуҫё – Ак каллех сана асилтерет»; «Сан сӑну ҫине те сулхӑн ӱкё: Ҫумӑра вылять хӑш чух шевле. Санпала пиншер чӑваш Анюкё Иртноё ҫамрӑк ёмёрне шеллет»). Ленинградская блокада, болезни и тяжелая война отняли у поэта первую семью, но фортуна подарила ему долгое счастье с Верой Кузьминой, матерью Атнера. Вглядываясь в снимки, где поэт и актриса запечатлены в кругу писателей, друзей, родных, Салампи и Атнера, радуюсь величю поэта не только в литературе и общественной работе, но и в семейных отношениях.

Основные жизненные вехи П. Хузангай хорошо известны чувашскому читателю, но когда его слово сочетается с фотоснимками, художественными портретами и картинами, восприятие происходит совсем по-другому – более рельефно, живо. Как сказано в аннотации составителем книги внуком поэта Педэром Хузангаем-младшим, «соответствие между вербальным и визуальным рядами позволяет наглядно представить творческое развитие поэта и ключевые моменты его жизни».

Ключевых моментов в биографии народного поэта было предостаточно. Один из них – травля в 1937 году. «У нас было слишком много клеветников. Больших и малых. Им несть числа. У нас всегда были, есть и, к сожалению, еще будут карьеристы, ничем не брезгующие на пути к своим подлым целям. Но если ты художник

и тоже встал когда-то на путь клеветы, как ты можешь носить такой груз на своей совести и продолжаешь творить? Как можешь таить в душе, словно в чемодане с двойным дном, и доброе, и злое? Ведь «гений и злодейство – две вещи несовместные».

Пусть ты не гений. Но, если ты честный человек, разберись в своем внутреннем мире. Что тебя совратило?.. Почему ты собрата своего печатно называл фашистом, а когда он с оружием в руках боролся против гитлеровцев, ты предусмотрительно – правдой и неправдой – обеспечил себя бронью и обивал пороги, чтобы получить литературный паек? Почему ты, находясь на воле, строчил донос на того, кто уже был брошен в подвал без дневного света? Разве лежачего бьют? Почему тебе казалось, что твоя шкура особенно тонкой выделки, а другого можно истязать как угодно?.. Ты – флюгер. Механический гражданин. Робот» (с. 39–40).

Флюгеров и клеветников, известных не только в литературном мире, Хузангай в автобиографии поименно не назвал. Не указывает на них и Хузангай-младший. А надо бы. Иначе хамелеоны так и будут верховодить в литературе, будут продолжать присваивать себе чины и звания. Ярые ябедники и стукачи, бездарные последователи У, Э, Ю, Я неистребимы, они и поныне наносят урон талантливым людям.

Поэт вернулся с войны после тяжелого ранения и сразу попал под подлый обстрел деятелей от литературы. Короткая поэма «Саркел», написанная в сталинградских окопах между боями, звучащая как прощальный вскрик солдата, обстругивалась в клеветнических статьях и письмах-донасах уже после Победы. Я знал эту поэму наизусть, и когда наткнулся в передовице «Красной Чувашии» на явный политический поклеп, мне стало горько и больно за чувашскую интеллигенцию. А причина у завистников была проста – не дать присвоить поэту звание народного...

Но сила поэзии не в званиях и премиях. Она в самих творениях и масштабе личности автора. Имя Педэра Хузангая по-прежнему сияет на поэтическом небосклоне. В сегодняшней чувашской литературе пока не видно другой такой величины. Может, Год литературы продвинет кого-либо из литераторов чуть ближе к созвездию Сеспель-Митта-Хузангай? А Год автора «Нарспи» выявит гения, который дальше понесет эстафетный факел лиро-эпики Иванова-Эльгера-Ухсяя...

Виталий СТАНЬЯЛ